

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
Роман

СВЁКОР

Любовь не по понятиям

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Свекор. Любовь не по понятиям

<https://litres.ru/74424539>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Лаврова так что делать собираешься?

— Не знаю.

— Ну не знаешь значит сядет. Бомж в больнице сегодня ласты откинул. Все. Убийство на твоём Павлике. Допрыгался.

Умер человек умер. Кошмар. Это просто дикий кошмар. Как с этим жить теперь. Павлик – убийца!

— Божееее, Дмитрий Александрович, помогите!

Следак посмотрел что-то в своих папочках. Потом заглянул в мобильный. Почесал переносицу. Свернул губы трубочкой. Что-то прогундел сам себе. Потом повернулся ко мне.

— Есть один вариант.

— Какой? Я на все готова.

— К человеку одному поедешь. На зону, ублажишь как следует и выйдет твой Павлик.

Вся краска прилила к щекам, затошнило, к ребрам подобрался ком паники. Все естество восстало против такой мерзости.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ульяна Соболева

Свекор. Любовь не по понятиям

СВЕКОР. ЛЮБОВЬ НЕ ПО ПОНЯТИЯМ

Ульяна Соболева

Аннотация:

— Лаврова так что делать собираешься?

— Не знаю.

— Ну не знаешь значит сядет. Бомж в больнице сегодня ласты откинул. Все. Убийство на твоём Павлике. Допрыгался.

Умер...человек умер. Кошмар. Это просто дикий кошмар. Как с этим жить теперь. Павлик – убийца!

— Божееее, Дмитрий Александрович, помогите!

Следак посмотрел что-то в своих папочках. Потом заглянул в мобильный. Почесал переносицу. Свернул губы трубочкой. Что-то прогундел сам себе. Потом повернулся ко мне.

— Есть один вариант.

— Какой? Я на все готова.

— К человеку одному поедешь. На зону, ублажишь как следует и выйдет твой Павлик.

Вся краска прилила к щекам, затошнило, к ребрам подо-

брался ком паники. Все естество восстало против такой мерзости.

Она хорошая девочка. У нее скоро свадьба с хорошим парнем. Но ее брат сбил человека и ей приходится согласиться продать свое тело и девственность зэку на одну ночь, чтобы вытащить брата из тюрьмы.

Глава 1

— Лаврова, я тебе еще раз повторяю он сбил человека!

— Он его не видел! Понимаете не видел!

Я в отчаянии сдвинула пальцами край стола.

— Конечно не видел! Он же обдолбался!

— И что теперь делать?

— Деньги ищи. У женихи своего проси.

Я не могу у Рустама просить. Не могу. И рассказать о брате не могу, что он оторванный такой. У Рустама семья приличная, его мать уважает и любит меня. Приняли к себе. А ведь я не их веры. Амина Ибрагимовна добрая женщина, то лаваш передаст, то чебуреки. Как я скажу что Павлик человека сбил еще и под травкой. Они считают, что у нас семья приличная, интеллигентная. Рустам маму мою знал и Амина Ибрагимовна знала. На похороны все приходили. Пашкаааа, чтож ты так меня подставил, дурак. Ты же обещал!

— Лаврова так что делать собираешься?

— Не знаю.

— Ну не знаешь значит сядет. Бомж в больнице сегодня лапты откинул. Все. Убийство на твоём Павлике. Допрыгался.

Умер...человек умер. Кошмар. Это просто дикий кошмар. Как с этим жить теперь. Павлик – убийца!

— Божееее, Дмитрий Александрович, помогите!

Следак посмотрел что-то в своих папочках. Потом заглянул в мобильный. Почесал переносицу. Свернул губы трубочкой. Что-то прогундел сам себе. Потом повернулся ко мне.

— Есть один вариант.

— Какой? Я на все готова.

— К человеку одному поедешь. На зону, ноги раздвинешь, ублажишь и выйдет твой Павлик.

Вся краска прилила к щекам, затошнило, к ребрам подобрался ком паники. Все естество восстало против такой мерзости. За кого он меня принимает? За шлюху?

— Дмитрий Александрович, я не могу. У меня свадьба скоро. Рустам он... Мы до свадьбы не... ну вы понимаете. Он знал что я ни с кем. Обычай такие. Как я потом?

— Не знаю, мне по хуй. Как-нибудь разберешься. Денег дам - зашьешься. - он хихикнул. - надо же целка. Музейный экспонат прям. Тебе сколько?

— Девятнадцать.

— Ладно у меня времени нет с тобой нянькаться. Согласна или нет?

— Нет... я денег поищу.

— Пять тысяч зелени готовь, и я его выпущу.

Откинулся на спинку кресла и с прищуром на меня посмотрел. Пять тысяч. Господи, где взять. Квартиру продам... Но когда, даже если дешево и срочно это будет все равно долго.

— У меня нет таких денег.

— Ну на нет и суда нет. Все, иди, мне работать надо.

Он уткнулся в ноут а я стою как пришибленная. Страшно, все внутри сводит. Где деньги брать? А Пашка... что с ним будет. Я маме обещала перед смертью что о Пашке заботиться буду.

— Кто он этот мужчина?

— Тебе какая разница. Ты ж не замуж за него собралась. Да не бойся. Потерпишь одну ночь и все в шоколаде будет. Никто не узнает. А на свадьбе своего напои и придумай что-то. Ты не первая ты не последняя. Твой Рустам проглотит. Он сопляк у тебя. Поди баб еще сам не трахал.

И заржал.

Я выдохнула стиснула пальцы так что суставы хрустнули.

— Когда ехать надо?

— Сегодня вечером. Приоденься за тобой машина придет отвезут куда надо.

Сердце бешено колотится пальцы онемели. Подумала о Рустаме и снова затошнило. Он же не трогал меня берег говорил, что все у нас будет красиво, после свадьбы. Мы конечно святыми не были... Но до конца не доходили. Рустам шептал мне «возьму в первую брачную ночь, по всем правилам, возьму и офигею от счастья. Предвкушаю, жду, как пиршество. Сожру тебя, малая».

Тяжело вздохнула и посмотрела на следака. Маленький плешивый очкастый. Мерзкий. Как же я его сейчас ненави-

дела. Всей душой. Сволочь лысая.

— Ну что, Людка, не стой столбом!

— В котором часу надо быть готовой?

— В пять вечера за тобой приедут. Ты там намарафеться. Хотя девка ты красивая, видная. Эх будь я помоложе. Все, иди. Молодец, что согласилась.

Домой я шла пешком в землю смотрела, сердце то быстро колотится то медленно. Шлюха я получается. Но Пашку спасти надо. Он в тюрьме не протянет. Его там или убьют или... Красивый он, высокий, стройный, но слабый драться не умеет. Боюсь подумать даже что с ним там сделают.

Мамины руки в моих, я в слезах.

«Людочка, ты Пашеньку береги, присматривай, не бросай. Он у нас разбитной, натворить что-то может!

Мамочка, ты сама присмотришь. В больнице тебе помогут.

Не помогут ... все уже. Пришло мое время.

Мам! Не говори так»

Утром ее не стало. А у меня появилась огромная дыра в сердце. Мой мир рухнул в одночасье, словно кто-то выбил из-под ног опору, на которой держалась вся моя жизнь. Мама была всем для меня — и подругой, и наставником, и единственным человеком, который понимал меня без слов. Теперь я осталась одна в этом большом равнодушном мире, где каждый думает только о себе. Только мысли о Пашке и держали на плаву и Рустам. Пашка — мой младший брат, ко-

тому всего шестнадцать, и он даже не знает, что творится вокруг. Он живет в своем мире компьютерных игр и школьных проблем, не подозревая, в какую бездну мы катимся. А я должна его защитить, должна стать для него той опорой, которую потеряла сама.

Мы с Рустамом вместе с девятого класса. Помню тот день, как сейчас — сентябрь, листья только начинали желтеть, а в классе появился новенький. Высокий, смуглый, с темными волосами и серьезными глазами. Он как новенький к нам пришел, сел ко мне и все. Просто взял и занял место рядом, словно знал, что это его место. И с первого дня началось что-то невероятное. Отбил у всех пацанов, дрался как зверь за меня. Сколько синяков и разбитых носов было из-за меня! Но Рустам не отступал. Он защищал меня от всех — от хулиганов, от сплетниц, от учителей, которые пытались меня унижить. Он был моим рыцарем в джинсах и потертых кроссовках.

После школы мы поступили учиться в один институт. Я выбрала экономику, он — юриспруденцию. Говорил, что будет защищать меня уже по закону. Мы проводили все свободное время вместе — готовились к экзаменам, ходили в кино, просто гуляли по городу. И вот однажды он привел меня к себе домой. Я волновалась ужасно — что, если его родители меня не примут? Что, если я им не понравлюсь?

Амина Ибрагимовна. Его мать. Аккуратная, красивая женщина, всегда ухоженная, с тонкими чертами лица и доб-

рыми глазами. Она встретила меня на пороге с такой теплотой, словно я была ее родной дочерью. Она приняла меня хорошо, даже больше чем хорошо. Называла «наша девочка» и всячески баловала. То приготовит мое любимое блюдо, то купит что-то красивое, то просто обнимет и скажет: «Ты у нас самая лучшая». У нее было материнское сердце, которое могло вместить всех, кого любил ее сын.

Отец вроде как за границей работает. Я его никогда не видела, только фотографии на стенах и рассказы Рустама. Какой-то бизнес в Турции, или в Европе — точно не знаю. Но как я поняла, в деньгах они не нуждаются. Квартира в центре города, хорошая машина, дорогая одежда — все говорило о том, что семья живет более чем достойно. Амина Ибрагимовна не работала, занималась домом и благотворительностью.

Впереди наша свадьба с Рустамом. Приглашения готовы, дата намечена — двадцать третье августа. Все продумано до мелочей: ресторан заказан, платье висит в шкафу, кольца лежат в бархатной коробочке. Мы мечтали об этом дне три года. Рустам говорил, что хочет сделать все идеально, чтобы я была самой счастливой невестой в мире. И вот теперь, когда до свадьбы остается чуть больше месяца, все рушится.

Пришла домой, почесала за ухом Мартина, поцеловала его розовый нос. Он встретил меня мурлыканьем, потерся о ноги, словно понимал, что мне нужна поддержка. Кота я подарила маме незадолго перед ее смертью. Тогда еще не зна-

ла, что это будет последний мой подарок ей. Нашла его на улице с перебитой лапой, взрослого уже, но не старого. Принесла домой, думая, что лапа заживет и отпущу. Но мы с мамой влюбились с первого взгляда. Мама повозилась с ним, лечила, выхаживала, и он отплатил ей преданностью и любовью. Так и остался черно-белый дворянин у нас дома. Мама говорила «мой Мартюша» и разговаривала с ним, как с человеком. А он, казалось, понимал каждое слово.

Села на кухне, обхватила голову руками. Страшно, внутри все дрожит от ужаса и неизвестности. Что будет с нами? Что будет с Пашкой? Как я смогу все это пережить? Мысли скачут, как бешеные лошади — от отчаяния к надежде, от страха к злости. Почему все так несправедливо? Почему хорошие люди страдают, а негодяи процветают?

Сотовый зазвонил — Дмитрий Александрович. Я даже вздрогнула от неожиданности. Голос у него был деловой, холодный, словно мы обсуждали покупку хлеба, а не то, что он собирается сделать с моей жизнью.

— И еще ты это... побрейся там... ну ты поняла. Он не любит, когда волосы. Все, чтоб в пять вечера готова была. И одевайся поприличнее, но не как монашка. Понимаешь меня?

Стыдно то как. Щеки горят от унижения, руки трясутся. Внутри все сжимается от отвращения к себе, к ситуации, ко всему миру. Какой он этот мужчина? Что если старый страшный, с золотыми зубами и татуировками? Он же на зоне си-

дел, значит, не за мелкое хулиганство попал. Если прямо туда девочку заказал, значит, при больших деньгах и авторитете. И вес имеет среди криминальных авторитетов. А что, если он садист? Или маньяк? Что, если он не просто хочет провести время с девушкой, а планирует что-то страшное?

Но ведь Дмитрий Александрович знает меня с детства, он бы не стал подставлять под такого опасного человека. Да что я такое думаю! Стал бы еще как. Ему плевать на меня и на мою судьбу. Он меня сейчас под ээка подложил, а ведь мог Пашку и так отмазать — он его с детства знает, дружил с нашим отцом. Но все хотят денег, всем нужна прибыль. Человеческие жизни — это просто товар на рынке.

В пять вечера я как пионерка сидела в кресле возле коридора и ждала. Надела свое самое красивое платье голубое с широкой юбкой, распустила волосы, нанесла макияж. Все сделала как велел следак. Внутри дрожу, снаружи онемевшая. Меня встретил мужик лысый накачанный в черном костюме. Ничего не сказал, дверцу джипа с тонированными стеклами, открыл я села.

Руки дрожат. Колени сжаты. Страшно. Дух захватывает. Ничего. Я потерплю. В конце концов не убивать же он меня будет. Утром Пашу выпустят и забудем все... А брачная ночь. Ну не у каждой девушки кровь бывает. Так что выкручусь. Рустам вряд ли докапываться будет. Он меня очень любит. Я смогу. Ради Пашки, ради мамы. Смогу.

Машина подъехала к огромному серому забору с колючей проволокой. Мой сопровождающий вывел меня, отвел к проходной. Стыдно так, что в горле пересохло. Все они знают зачем я здесь. Смотрят похотливо, оценивающе. Так и хочется закричать «Я не такая! Меня заставили!». Но кому до этого есть дело. В их глазах я шалава, которая приехала зэка убажывать.

— Пошли я тебя к Джахангиру отведу.

Джахангир. Не русский. Боже.... Имя дагестанское. Рустам тоже дагестанец.

Может все не так страшно будет. Расскажу что свадьба скоро, что ради брата. Может не тронет.

Иду по темному длинному коридору, до самого конца. С грохотом открывается дверь. Мое сердце уже не стучит оно просто дергается от ужаса.

— Входи! Джаха, до десяти утра. И чтоб все чисто...

— Дверь закрой!

Он захлопнул дверь. Я аж зажмурилась. Медленно открыла глаза и увидела перед собой мужчину. Высокий, сильно накачанный, в белой майке. Мышцы бугрятся, вены выступают на руках. Волосы седые вперемешку с черными, борода аккуратная. Смуглый. На вид лет сорок пять. Лицо с выдающимися скулами, нос с горбинкой. Глаза пристальные цепкие, наглые и в то же время умные. Смотрит как на насекомое.

— Ну входи, что стала, красавица.

Говорит с акцентом, игриво. Но голос мощный, сильный. Настолько властный, что у меня дух захватило.

— Здравствуйте.

— Что ты забитая какая-то. Или мы играем в девственницу и насильника?

Я отрицательно качнула головой.

— Лет сколько?

— Девятнадцать.

— Выглядишь на пятнадцать. Платье сними.

— Что?

— Платье сними. Посмотреть хочу сначала. Потом ебать буду.

Вот и началось прям сразу. В горле снова пересохло. Руки не поднимаются платье снять. Он удивленно поднял брови.

— Так мы все же играемся? Или тебе что-то не нравится? М? Отвечай!

— Все нравится... - тихо сказала я.

— Хочешь сам раздену?

Молчу, кусаю губу. Подошел, посмотрел пристально в глаза. Вблизи он красивый, взрослый очень, но красивый. Мужественной, животной красотой.

Он убрал локон с моего лица.

— Впервые такую красивую присылают. Ты там недавно?

Где там? Он пока говорит, расстегивает мое платье. Пуговицу за пуговицей. Руки у него горячие, костяшки сбиты. Бил кого-то...боже. Как же страшно.

Если я все ему скажу... может тогда.

— Меня зов...

— Мне по хуй как тебя зовут. Все равно имя фейк.

Сдернул платье вниз и я осталось в лифчике и трусах.

Дрожу.

— Боишься? Бойся.

— Вы не знаете я на такая... я у меня брат человека сбил.

Он хороший он... а я замуж скоро выхожу и...

— Заткнись!

— Что?

Я посмотрела на него и увидела как сжались его губы.

— Мне насрать как ты сюда попала. Ясно? Я тебя купил.

Дорого. И буду трахать, а не истории твои слушать. Снимай белье. Голую посмотреть хочу.

— Послушайте...

— Рот закрыла. Раздевайся. Иначе раздену насильно сам.

Я медленно сняла лифчик. Его глаза вспыхнули скулы выступили. Смотрит с прищуром. На грудь. А у меня от страха соски сжались.

— Трусы.

Стянула трусы сама чуть не плачу. Осмотрел со всех сторон. Волосы мои до талии в сторону отвел.

— Раком стань на кровати.

— Я не...

— Я все равно возьму, а ты все равно знаешь зачем пришла. Хочешь больно - будет больно. Очень больно. Я боль-

шой - порву. Поэтому давай сама.

Судорожно глотнула воздух, повернулась к стене. Может так и лучше смотреть на него не буду. Встала на четвереньки а постели. Щеки горят. Сердце колотится в горле.

Чувствую подошел сзади провел рукой по позвоночнику, потом по ягодицам. Волосы в сторону откинул, потом на руку намотал и дернул назад.

— Прогнись.

Я невольно прогнулась. Губу кусаю, слезы катятся. Но он прав. Я сама сюда пришла. Я сама продалась ему.

Мужские пальцы гладят ягодицы потом спускаются ниже.

— какая розовая и маленькая – шепчет он и проводит пальцем по промежности. Я дергаюсь, пытаюсь увернуться от пальцев.

Тянет резко за волосы.

— Стоять!

Голос командный, так что внутри все сжимается, и я стою, губы кусаю, но стою. Пальцы гладят, а потом резко один входит внутрь. Всхлипываю, кусая губы еще сильнее. Не больно, но очень неприятно. Палец у него толстый с выпирающими костяшками. А если членом войдет... Сказал порвать может. Стало не просто страшно, а адски страшно.

— Ты целка? – хрипло спросил он.

Киваю, стараясь не реветь в голос.

— Недешево продала, а я то думаю почему цена поднялась.

Толкнулся пальцем несколько раз, потом слышу, как плюнул на пальцы и растер промежность мокрыми руками. Стало противно, и я зажмурилась. Что-то зашелестело.

— Повернись!

Я развернулась и чуть не задохнулась, он стянул штаны вниз и теперь у меня перед глазами был его член. Длинный, толстый как кувалда, увитый узловатыми венами. Боже! Он не просто меня порвет, он меня растерзает этой дубиной. Нет, я не могу. Я ...не хочу.

— Что испугалась? Дааа, есть чего бояться. Ничего привыкнешь орать от счастья будешь. Ну или не будешь. Насрать. Давай гандон надень.

Ткнул мне в руки презерватив.

— Я не умею.

— Блядь, ну давай научу.

Он взял резинку приложил к бордовой головке члена.

— Давай тяни вниз резинку.

Одной рукой не получилось, потянула двумя.

— Давай возьми его в рот.

От ужаса мои глаза стали огромными, но он схватил меня за затылок и дернул к своему паху.

— Открой рот и возьми его, представь, что сосешь конфету, только блядь, очень большую.

Глава 2

Я не смогу взять его в рот он слишком огромный. Но и не хочется чтоб его впихнули насильно. Наклонилась неловко обхватила губами член толкнулся глубже. я подавилась рвотным рефлексом.

— Дыши носом расслабься.

Держит затылок и вдруг резко толкается вперед. Я невольно сжимаю его бедра.

Вдруг в двери щелкает замок. Отталкивает меня на кровать бросая одеяло, а сам стоит спиной со стояком.

Я прикрылась до самых глаз.

— Что такое блядь! – рычит Джахангир

— Джаха, срочно. В северном корпусе подрались сука с блатным. Поножовщина. Надо успокоить помирить как-то.

— На хер пусть режут друг друга.

— Там Самир... замешан.

— Твою ж мать.

Член опал, он натянул штаны, потом посмотрел на меня.

— Лежи жди. Мы не закончили.

Я лежу, смотрю на его бугристую, сильную спину, на короткие седые волосы на затылке и внутри все сжимается. Он очень взрослый. Я не могу сказать старый, потому что этот мужчина не имеет возраста. Он силен как бык, властен, красив какой-то жестокой, адской красотой. И очень страшен.

Покрыт татуировками.

Рада ли я, что нас прервали... Не знаю. Это даст мне передышку. Во рту до сих пор вкус резины. И ощущение его члена... С Рустамом мы так далеко не заходили. Он ласкал меня языком, но кончить у меня не получалось. Так пальцами иногда ласкались. Больше он со мной. Я трогала его через штаны. Он говорил, если зайдем дальше не сдержится.

И мы не заходили...

А теперь меня берет незнакомый мужик зэк. И я должна молчать и терпеть. Мне даже некому пожаловаться. Я сама согласилась.

Выдохнула. На столе стоит бутылка виски, рюмка, шоколад, поломанный на кубики. Пачка сигарет. А если я выпью, то не будет так страшно? Сейчас накачаюсь и пусть делает со мной что хочет. Я никогда раньше не пила. Никогда. Может шампанское попробовала и все. У нас сосед был алкаш, обсыкал лестничную площадку и мне всегда было страшно стать таким, как он.

Я открыла крышку на бутылке, налила виски в рюмку, взяла шоколад. Так, сначала выпить, потом закусить. Блин, а запить нечем. Ладно. Я выдержу. Лучше так. Потому что иначе я не смогу. Зажмурилась и залпом. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, я шоколадку закинула в рот. Жую и рвотные позывы сдерживаю. А через минуту по венам потекло тепло, стало приятно. Чуть начал отступать страх.

Кажется, я выпила рюмок пять. Теперь мне стало море по

колени. Я замоталась в пододеяльник и вышагивала по камере, выглянула в окно, посмотрела на унылый двор, потом походила туда-сюда. Выпила снова... и еще одну.

И для полного счастья закурила. Голова пошла кругом и я упала на пол. Засмеялась и именно тогда Джахангир вошел в камеру.

— Твою ж мать!

Он сплюнул на пол и смотрел как я неловко встаю с пола, шатаюсь смотрю на него, а потом пискло выдавливаю.

— Мне очень плохо...

— Сучка. Нажралась! – схватил меня за затылок и подтащил к раковине, меня тут же вывернуло прямо туда и он выmaterился снова, сунул мою голову под воду. Холодную.

— Дура. Какого хера ты творишь! Я не за пьяную шалаву платил!

— Теперь можешь е*ть сколько хочешь, - нагло заявила я и потянулась к нему губами. Схватил за скула и сжал.

— Я тебя утром вые*у. Мне пьяное зомби на хер не всралось.

Вытер мне голову полотенцем, потащил на постель.

— А меня Людмила зовут... Мне девятнадцать и я скоро выхожу замуж.

Смотрит на меня приподняв одну бровь. Теперь кажется мне очень красивым.

— Вы красивый. И уже не страшный.

Ухмыльнулся.

— Если б я столько вылакал на голодный желудок мне б сам черт не страшным казался.

Я уютно устроилась на подушке. Проблемы куда-то отошли, тошнота почти не доставала.

— Блядь! Кто мне эту мелочь прислал. Никогда раньше таких не было. Еще и нажралась. Охереть потрахался называется.

Смотрю сквозь приоткрытые веки, как он встал, потом подошел к столу, налил себе, залпом выпил. Закурил.

— Людмила ее зовут, - пробурчал и выпустил дым. — Нах мне надо как ее зовут.

Только сейчас я заметила пьяным взглядом, что у него порезана рука и правая щека. Наверное я заснула, отрубилась. Разбудило меня прикосновение к бедру, жесткая мужская рука, прошлась по моей талии, легла на грудь, сжала сосок.

В полудреме это было даже приятно. А потом приятность закончилась.

— Проснулась? Иди зубы почисть.

Стажил меня с кровати...Интересно он спал? Или так и просидел всю ночь. Бутылка пустая. Он явно трезвый. Пахнет сигаретами.

Я пошла к раковине, почистила зубы одноразовой щеткой, которая там лежала. Все еще замотанная в пододеяльник.

— Теперь сюда иди. Сними эту тряпку и продолжим.

Я медленно подошла, дух перехватило, снова стало адски страшно.

— Сколько денег вы заплатили? Я могу вернуть.

— Что? — он поднял на меня взгляд золотисто-карих глаз и у меня мурашки побежали по коже. — Ты мне бабки предлагаешь, чтоб я тебя не трахал? Ты кто такая вообще?

— Я Людмили Лаврова я...

— Рот закрой, Людмила. Ляг на кровать раздвинь ноги.

Снова начало подташнивать. Я села на краешек кровати, а он толкнул меня в плечо.

— Давай ложись. Хватит время тянуть. Ты меня начинаешь злить.

Я посмотрела на него снизу вверх.

— Простите я писать хочу.

Густые черные брови приподнялись, и он тихо выругался.

— Твою мать, что ж ты проблемная такая. Давай пошла в туалет, подмылась и вернулась. Голая иди. Смотреть на тебя хочу.

Он стянул штаны и взял в руку свой член. Я судорожно сглотнула и попятилась в сторону туалета. Заскочила туда и прижалась спиной к стене. Потом открутила воду, сделала свои дела, подмылась. А выйти страшно...

Потому подумала. Что не целую ж ночь с ним быть. Надо как-то это пережить.

Решительно вышла и направилась к кровати. Он двигал рукой по члену и смотрел на меня глазами, сверкающими от похоти. Взгляд тяжелый, чумной.

— Сюда иди.

Подошла, тяжело дыша, чувствуя, как дрожат ноги. Дернул за руку и усадил к себе на колени так что мои ноги оказались по обе стороны от его бедер. Член уперся мне в живот доставая до грудной клетки.

Глава 3

Он приподнял меня за талию и прижал к себе.

— Остановитесь! – крикнула я, но он сдавил меня еще сильнее.

— Я только начал.

— Это мой первый раз...я не хочу так!

Посмотрел на меня темными, злыми глазами, горящими похотью.

— А кто сказал, что меня волнует, как ты хочешь!

— Пожалуйста...

Брови сошлись на переносице. А я... я наклонилась к его чувственным губам и коснулась их своими губами. Потом поцеловала его и он жадно сжал мою талию еще сильнее. Завладел моим ртом, язык проник глубоко, толкаясь в мой. Не то чтоб неприятно, но странно. Рустам целовался иначе. Нежнее. А Джахангир буквально пожирал мой рот, кусал и сосал мои губы, двигался так неистово, что у меня дух захватило, я сжала пальцы на его плечах, а он поднял и опрокинул меня на посталь. И навис надо мной, я невольно уперлась ладонями ему в грудь, сильную, накачанную, горячую. Его дыхание обжигало...Он наклонился и прижался губами к моей шее, обвел языком мочку уха, спустился ниже, к ключицам, его руки развели мои ноги в стороны, притянул к себе за ягодицы.

— Не надо... жалобно пропищала я, а он ухмыльнулся... и его член уперся мне прямо во вход во влагалище.

— Поздно, малышка..., - резкий толчок и он во мне.

Слезы адским потоком из глаз, взгляд остекленел от боли. Меня буквально выгнуло под ним.

— Сука... пиздец как узко, - прохрипел он и громко застонал. Потом посмотрел на мое лицо, — дыши глубже и расслабься.

— Мне больно..., - тихо сказала я, скривив лицо, но он сжал мои щеки ладонью и начал двигаться внутри, целуя мои мокрые соленые губы. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, он шептал что-то на своем языке и врезался в мое тело. А я просто ослепла от боли. Он был огромным, он бился внутри как огромная кувалда, мне кажется, меня растянули до трещин, а теперь я еще и знаю где я заканчиваюсь, потому что головка члена бьет что-то внутри очень чувствительно. Я уставилась в одну точку. Это кончится. Ранно или поздно. Он голодный, вряд ли у него недавно был секс, он быстро кончит. Я читала об этом и знаю. Но он не кончал, он вбивался в меня и часто дышал, сквозь стиснутые зубы. Потом сдавил мою шею, несколько раз толкнулся и громко, хрипло застонал, застыв на несколько секунд. Я ощутила, как внутри разливается, что-то горячее. В голове мелькнула мысль, что презерватива теперь не было.

Он медленно вытянул из меня член и сел на кровати. А я так и лежала с раздвинутыми ногами, как бабочка, которую

пришили на месте. Бедро свело судорогой, внутри как будто все еще его член, все пульсирует, болит, щиплет. Слезы так и катятся по щекам.

Джаганхир встал с кровати и молча пошел в душ. На меня даже не посмотрел.

Вот и все. Я теперь не девочка... мой первый раз был кошмаром. И уж точно я его никогда не забуду.

Когда вернулся подошел к столу, налил остатки виски, выпил, не поврачиваясь ко мне хрипло сказал.

— Не уходи никуда. Я доплачу. Останешься еще на сутки!

Нет-нет-нет. Мы так не договаривались. Я не останусь. Я видеть его не хочу. Я хочу отмыться от его лап. Хочу просто забыть, не вспоминать никогда.

Джаха вышел, а я вскочила с постели, чуть не упала, на ослабевших ногах, добежала до душа. Вымылась, смывая кровь и следы спермы. Стараясь вымыть как можно глубже. Влапалище не просто болит – огнем горит. Дотронуться невыносимо больно. Я вышла из душа, натянула платье, надела туфли и постучала в дверь камеры. Пришел какой-то здоровенный парень.

— Выведи меня отсюда.

— Мне велено, чтоб ты оставалась.

— Я свое пробыла. Мне все равно, что вам велено. Все. Мое время вышло. Уводите.

Он хмыкнул и позволил выйти, а потом повел меня по коридору. Я выскочила из проклятого здания, поймала такси

и поехала домой. В машине меня начало трясти и по щекам снова покатились слезы.

— Эй, девушка, вас кто-то обидел?

Заботливо спросил водитель, я отрицательно покачала головой и натянула юбку на колени, судорожно глотая воздух. Нужно что-то купить в аптеке... говорят с первого раза можно залететь. Божееее... Пусть Павлик выйдет и все забудется как жуткий сон.

Дома я снова мылась в душе. Просидела там несколько часов. Потом приняла постинор.

Павлик пришел домой ближе к вечеру. Потрепанный, с синяками под глазами.

— Ты че такая замучанная? Обо мне плакала?

Брякнул он пошел на кухню и откусил колбасу прямо так, стянув пленку.

— Сраный козел! – рывкнула я — Ты человека убил! Понимаешь убил!

— Понимаю. Так че ме теперь самому сдохнуть. Он под колеса полез.

— На зебре?

— Он был бухой!

— И ты нетрезвый.

— А ты как меня отмазала? Рустамчик твой, чурка, денег дал?

— Заткнись! – я влепила ему пощечину, он швырнул колбасу на стол и закрылся у себя в комнате.

— Сволочь! – пробормотала я и слезы снова покатались по щекам. Плохая из меня получилась мать. Не знаю, что с Пашкой будет. Странный он. Оторванный. Совесть не мучает... Дверь тихо открылась, я услышала шаги, а потом меня сзади обняли.

— Ну прости, Милка. Прости дурака. Я не хотел. Один косяк выкурили с пацанами. Домой ехал. Руслан тачку свою дал. Тот бомжара реально под колеса полез.

— Это человек. И его больше нет, - всхлипнула я, но руки его не убрала.

— Я понимаю. Мне теперь с этим жить. Я столько думал об этом. Курить перестану, бухать завяжу. Я в универ пойду, Милка. На аййтишника. Слышишь? Как мать мечтала. Ну прости меня...

Я поднялась со стула и обняла его. Вымахал гад. Выше меня на две головы, обнимает волосы гладит. Дурак.

Сотовый разорвалсся звонком.

— О, твой звонит. Соскучлся.

Я ответила, услышала голос Рустама.

— Ты пропала со вчера! Где была? Я вечером звонил, потом приехал. В окнах темно было и не открыл никто.

— Я...я была у мамы, потом поехала к Зойке. Мне надо было с кем-то поговорить.

— Ты могла поговорить со мной.

— Прости. Хотелось о нашем, о женском.

— Плакала?

— Угу...

А внутри все горит от стыда, дух захватывает. Знал бы он где была и чем занималась.

— Я скоро приеду, заберу тебя в кафе, перекусим и пойдем на набережную.

— Хорошо, - тихо ответила я и выключила звонок, а перед глазами стоит жесткое, красивое лицо Джахангира.

Глава 4

Подготовка к свадьбе отвлекла меня от дурацких мыслей и о воспоминаниях о той ночи с эком. Пашка на воле – это самое главное. А я ничего. Я справилась.

Амина Ибрагимовна обхаживала меня кормила вкусняшками, а я старалась не думать о том, как мне стыдно. Они никто не знают, что я как шлюха... Черт. Как же перестать об этом думать.

— Милочка, платье завтра примерять. Ты не забудь в восемь утра. — Да, конечно.

Рустам уехал на сборы, он активно занимался борьбой. Хотел перед свадьбой денег заработать. Сказал, что на свадьбу отец приедет из поездки. Ох, было интересно увидеть какой отец Рустама. Рустам был красивым, сильным. Он мне безумно нравился. Только теперь невидимо что-то изменилось. Я как будто... я как будто стала взрослее, как будто перепрыгнула на какой-то странный уровень.

И все из-за того ублюдка. Боже! Почему я думаю о нем. Зачем зачем. Даже сейчас сидя с мамой Рустама. А перед глазами его руки большие с венами на тыльной стороне, длинными пальцами. Как они выглядели на моей белой коже.

Он ублюдок! Мне было больно! Мне с ним не было хорошо! Он пользовал меня как вещь!

Но почему тогда сердце колотилось, когда я вспоминала его взгляд? Почему дрожали руки, когда в памяти всплывали его прикосновения? Я ненавидела себя за эти мысли. За то, что тело предавало меня, реагируя на воспоминания о том, чего не должно было быть. За то, что иногда, засыпая, я видела не Рустама, а его — с этими проклятыми глазами и насмешливой улыбкой.

— Милочка, о чем думаешь? Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Амина Ибрагимовна внимательно смотрела на меня, и я поняла, что покраснела. Или побледнела. Черт знает.

— Нет, Амина Ибрагимовна, я просто... просто задумалась.

— Ох девочка, я понимаю, когда замуж за отца твоего Рустама выходила, тоже переживала. У нас же все по-другому раньше было. Это вы со школы вместе, а нас родители поженили. Я до свадьбы один раз его видела. Но ничего. Слюбилось, сжилось.

Она говорила это с какой-то грустной улыбкой, перебирая четки в руках. Интересно, а она когда-нибудь любила кого-то еще? Или сразу полюбила мужа? Мне хотелось спросить, но я не решалась. В их семье было много тем, которые не обсуждались.

— А он давно за границей работает?

— Давно. Лет десять уже...

Но сама как-то нахмурилась, сжалась. Словно о чем-то

неприятном подумала. Я заметила, что она вообще странно реагирует, когда речь заходит о муже. Не то чтобы плохо, но как-то... осторожно что ли.

— Ладно, пошли обедать.

Мы прошли в столовую, где уже накрыт стол. Амина Ибрагимовна готовила потрясающе – это была одна из причин, почему я так часто теперь бывала у них. Дома готовить особо некому было, Пашка питался всякой ерундой, а я вечно на работе или в универе.

За столом мы обсуждали детали свадьбы. Список гостей, меню, музыку. Амина Ибрагимовна была перфекционисткой, она продумывала каждую мелочь. Иногда мне казалось, что эта свадьба нужна ей больше, чем мне. Что она воплощает какие-то свои мечты, которые не смогла реализовать когда-то.

— А что насчет медового месяца? Рустам говорил что-то?

— Он хотел поехать в Турцию, — ответила я, ковыряя вилкой плов.

— Турция это хорошо. Там много наших. И недалеко от дома.

Рустам позвонил вечером. Мне впервые не хотелось ему отвечать. Просто проигнорировать, потом сказать, что я спала.

Телефон разрывался от звонков, а я сидела в кресле и смотрела на экран. «Ру-

стик» — высвечивалось на дисплее. Раньше это сердечко заставляло меня улыбаться. А теперь... теперь я чувствовала только какую-то тяжесть в груди.

— Эй, Мил, ты чего?

Пашка подошел сзади с баночкой колы в руке.

— Чего Рустику не отвечаешь?

— Не знаю.

— Ясно.

Присел на корточки возле меня. Пашка вырос за эти месяцы, пока сидел. Не физически — он и так был высоким, как отец. А как-то внутренне повзрослел. Может, тюрьма всех меняет. Или может, я просто раньше не замечала, что мой младший брат уже не мальчишка.

— Что-то случилось? Рассказывай!

Да, он был младшим братом и той еще головной болью, но он любил меня, а я любила его. И мы всегда были открытыми друг с другом.

Ну, почти всегда. О том, что случилось той ночью, я не могла рассказать никому. Особенно ему. Он бы убил того уродца. А потом снова сел бы. И на этот раз надолго.

— Ничего... Просто перенервничала, когда ты там сидел.

— Неее, врешь. Есть что-то еще.

Он всегда видел меня насквозь. С детства. Когда я врала маме, что не ела конфеты, а у меня шоколад был размазан по лицу – Пашка всегда выдавал меня. Не специально, просто он не умел лгать и притворяться.

— Ничего...

Всхлипнула и разревелась. Неожиданно для самой себя. Вроде держалась, держалась, а тут как прорвало. Все эмоции, которые я запирала внутри последние недели, хлынули наружу.

— Эй, ты чего, сестренка.

Прижал к себе, гладит по голове. Пах он как-то по-мужски теперь, каким-то одеколоном дешевым. Наверное, хотел произвести впечатление на девчонок из района.

— Я здесь и клянусь больше ничего не натворю.

— Паш, мне страшно... Я, кажется, не хочу замуж.

Произнесла это и сама испугалась. Впервые сказала вслух то, что крутилось в голове уже несколько дней.

— Та ладно! Посмотри на меня!

Я убрала руки от лица, а он вытер мои слезы своими большими ладонями. Когда он успел так вырасти? Еще недавно я была выше его, а теперь он нависал надо мной.

— Говорят девчонки перед свадьбой слинять хотят, как и мы пацаны. Это бывает. Сеструха, это ж твой Рустик. Давай, не ссы. Все норм будет. Он любит тебя. И чеб я там на него не гнал, он точно тебя любит.

А вот я почему-то больше не была уверена, что люблю его. Но, да, все отменить сейчас — это такой плевок в лицо и Рустаму и его матери, и всей семье.

Да и что я скажу? Что передумала? Что больше не люблю? А почему? Потому что какой-то урка показал мне, что такое настоящая страсть? Потому что теперь поцелуи Рустама кажутся пресными, а его прикосновения — слишком нежными?

Нет, я не могла так поступить. Со мной все в порядке. Это просто предсвадебная паника. Все девушки через это проходят. Я выйду замуж за Рустама, и мы будем счастливы. А про ту ночь я забуду. Обязательно забуду.

Я Рустаму так и не ответила. Завтра примерка. Платье красивое, можно сказать шикарное. Я сопротивлялась, у меня денег таких нет. Зачем настолько роскошное.

— У нашей девочки будет все самое лучшее.

Говорила моя будущая свекровь.

— Не переживай отец Рустама деньги шлет. Так что нам на все хватает. Свадьба будет роскошная. Не может же у Ал-

хановых быть какая попало свадьба. И еще...девочка. Надо подумать...я все хочу с тобой поговорить. Это серьезно, но я понимаю, что тебе будет непросто согласиться. Сейчас у вас будет роспись. Но должна быть и наша свадьба, понимаешь. Никах. Но этого не может быть пока ты не мусульманка.

Я тогда еще ничего ей не ответила. Рустам никогда не настаивал. Мы всегда говорили только о росписи. Да и он был очень либеральным человеком.

Но теперь, когда мать заговорила об этом, я поняла, что рано или поздно этот разговор должен был состояться. Алхановы были религиозной семьей, и для них это было важно. Я же выросла в семье, где религия особой роли не играла. Мама иногда ходила в церковь, но больше по привычке, чем по убеждению.

Принять ислам... Я даже представить не могла, что это значит. Менять веру ради замужества? С одной стороны, если это просто формальность... С другой стороны, а вдруг это не формальность? Вдруг потом от меня будут требовать соблюдения каких-то правил, которые мне не подходят?

Пашка ушел к себе втыкать в смартфон, а я легла на постель и закрыла глаза. Брат подрабатывал и учился, он развозил заказы в «Габово». Я работала в пиццерии. Официанткой и училась на заочном на филфаке. Рустам иногда подкидывал денег.

Вначале я сопротивлялась, потом брала. Потому что квартиру оплачивать, учебу, а официанткой в пиццерии много не

заработаешь. Я знала, что они хорошо живут. Кем там отец работает за границей неизвестно, но у них свой дом, личный водитель, крутой джип. Амина Ибрагимовна красиво одета. В доме шикарный ремонт.

Иногда мне казалось, что я выхожу замуж не только за Рустама, но и за его образ жизни. За стабильность, которой у нас дома никогда не было. За уверенность в завтрашнем дне. И это пугало меня. Потому что получалось, что я какая-то корыстная стерва, которая идет замуж по расчету.

Хотя нет, это не так. Я действительно любила Рустама. Просто теперь эта любовь стала какой-то... размытой. Словно кто-то взял яркую картинку и залил ее водой. Все краски поблекли и расплылись.

Я повернулась на бок и посмотрела на фотографию на тумбочке. Мы с Рустамом на море прошлым летом. Я улыбаюсь в камеру, он обнимает меня сзади и целует в щеку. Мы выглядим так счастливо. Неужели всего за пару дней все могло так измениться?

Или может, ничего не изменилось? Может, я просто придумываю себе проблемы? Накручиваю на пустом месте?

Завтра примерка платья. Послезавтра — роспись. А через неделю — свадьба, если я...если соглашусь принять ислам. И я стану женой Рустама Алханова. И все будет хорошо. Обязательно будет.

Глава 5

Белое платье висело в шкафу как саван невинности, которой больше не существовало. Я смотрела на него и чувствовала, как желчь подкатывает к горлу. Каждая складка шелка, каждая жемчужинка на корсете — все это было ложью, красивой упаковкой для испорченного товара.

«Невеста должна быть в белом», — говорила Амина Ибрагимовна, поправляя фату. Белом... Какая издевательская ирония судьбы. Я была черной внутри, прогнившей до костей, а снаружи — невинная голубка, готовая к алтарю.

— Милочка, ты такая бледная. Волнуешься?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Волнуюсь... да, можно и так сказать. Когда у тебя внутри все выжжено огнем позора, а ты должна изображать счастье — это определенно можно назвать волнением.

Амина Ибрагимовна подошла ближе, взяла мои руки в свои. Теплые, мягкие ладони матери, которая никогда не узнает правду о своей будущей невестке.

— Людочка, это нормально. Я тоже волновалась перед свадьбой. Знаешь, когда я выходила замуж за отца Рустама, мне было всего семнадцать. Я его до свадьбы три раза видела, не больше. А теперь посмотри — столько лет прошло, а мы до сих пор счастливы.

Счастливы... А что она скажет, когда узнает, что ее муж

десять лет провел не за границей по работе, а в тюрьме? Что он заказывал девочек для утех? Что одной из этих девочек была его будущая невестка?

— Рустам тебя очень любит, — продолжала Амина Ибрагимовна, поправляя мою фату. — Я никогда не видела его таким счастливым. Он с девятого класса только о тебе и говорит. «Мама, Люда то, Люда се». Я уже думала, что он на ней помешается.

Помешался... Да, можно и так сказать. Рустам действительно был помешан на той девочке, которой я была раньше. До той ночи. До того момента, когда я продала себя за свободу брата.

— А помнишь, как он в десятом классе подрался с теми хулиганами, которые тебя задирали? Пришел домой весь избитый, а в глазах такой огонь. Говорит: «Мама, я за нее убью, если надо». Тогда я поняла — это серьезно.

Я помнила. Помнила, как Рустам стоял передо мной с разбитой губой и синяком под глазом, а я плакала и говорила, что не стоило драться из-за меня. А он отвечал: «Ты стоишь того, чтобы за тебя умереть».

Умереть... А что он скажет, когда узнает, что я за него убила? Убила ту девочку, которую он полюбил в девятом классе. Убила и закопала где-то глубоко внутри, а вместо нее осталась только оболочка.

— Ну что, готова? — спросила Амина Ибрагимовна, оглядывая меня критическим взглядом. — Ты прекрасна, до-

ченька. Прямо принцесса.

Принцесса... Интересно, есть ли в сказках принцессы, которые продают себя за освобождение близких? Или все принцессы там исключительно добродетельные?

Рустам ждал меня у ЗАГСа. Стоял в новом костюме, с букетом белых роз, и улыбался так, словно я была его спасением. А я была его проклятием. Его губы тронули мою щеку, и мне захотелось выблевать душу через рот. Не потому что он противен — нет. Потому что я недостойна даже его прикосновения.

— Ты самая красивая невеста в мире, — шептал он мне на ухо, а я думала о руках Джахангира на моей коже. О том, как он сжимал мою талию, как входил в меня, разрывая что-то важное навсегда.

— Я так долго этого ждал, Люда. Так долго мечтал об этом дне.

А я мечтала забыть. Забыть запах его одеколona, перемешанный с запахом тюремной камеры. Забыть вкус виски у себя на губах. Забыть ощущение его члена во рту. Но некоторые воспоминания врезаются в память, как гвозди в дерево. И чем больше пытаешься их вытащить, тем глубже они входят.

Некоторые раны не заживают. Они просто покрываются коркой лжи, а внутри продолжают гнить.

— Пошли, любимая. Нас ждут.

Мы вошли в ЗАГС под руку, и я чувствовала, как сот-

ни глаз проходящих людей смотрят на нас. Красивая пара, счастливые молодожены. Если бы они знали...

ЗАГС встретил нас торжественной музыкой и улыбками служащих. Все как положено. Все правильно. Все неправильно до корня души. Зал был украшен белыми цветами — символ чистоты. Как же хотелось расхохотаться в голос над этой иронией.

— Граждане Алханов и Лаврова, подойдите к столу для регистрации, — объявила женщина-регистратор с приветливой улыбкой.

Алханов и Лаврова... Скоро будет два Алханова. Рустам и его жена-шлюха. Интересно, а если бы он знал правду, все равно бы женился? Или плюнул бы мне в лицо и ушел, не оборачиваясь?

— Граждане Алханов и Лаврова, вы пришли сюда добровольно, по взаимной любви и согласию?

Добровольно... Да, никто меня силой не тащил. Любовь... Да, я люблю Рустама. Или любила ту, которой была раньше. Согласие... А есть ли у меня выбор?

— Да, — сказали мы хором.

— Гражданин Алханов, согласны ли вы взять в жены гражданку Лаврову?

— Согласен, — голос Рустама звучал твердо и уверенно. В нем слышалось столько счастья, что мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Гражданка Лаврова, согласны ли вы выйти замуж за

гражданина Алханова?

Пауза. Секунда, которая длилась вечность. Я чувствовала, как все смотрят на меня, ждут ответа. Рустам сжал мою руку, и в его глазах я увидела такую веру, такую любовь, что сердце сжалось от боли.

— Согласна, — прошептала я.

И в этот момент поняла: я только что произнесла самую страшную ложь в своей жизни. Потому что та девочка, которая согласилась выйти замуж за Рустама Алханова, умерла в тюремной камере три дня назад.

Я расписывалась в документах дрожащей рукой, и чернила растекались, как кровь на бумаге. Людмила Алханова. Новое имя для старой шлюхи.

— Поздравляю! Теперь вы муж и жена! Можете поцеловать невесту!

Рустам поцеловал меня, и этот поцелуй был нежным, как прикосновение ангела. А я думала о том, что ангелы не целуют падших. Они их просто жалеют издалека.

Гости засыпали нас лепестками роз и рисом. Традиция. На счастье. А мне казалось, что они бросают в меня камни. Каждый лепесток обжигал кожу, каждое зернышко риса било, как пуля.

Фотограф щелкал затвором, ловя «счастливые моменты». Улыбнитесь! Посмотрите друг на друга с любовью! Обнимитесь! А я улыбалась и думала: интересно, видно ли на фотографиях, что душа невесты черная, как смола?

После ЗАГСа мы поехали в ресторан. Маленькое торжество — только самые близкие. Амина Ибрагимовна, Пашка, несколько друзей Рустама, моя двоюродная сестра Зоя. Все пили, смеялись, желали нам счастья. А я сидела и чувствовала, как каждое слово поздравления обжигает кожу, как раскаленное железо.

— За молодых! За их любовь! — поднял тост лучший друг Рустама Марат.

Бокалы звенели, шампанское пенилось, а я думала: «Любовь... Что это такое? То, что было между мной и Рустамом до той ночи? Или то животное, первобытное притяжение, которое я почувствовала к тому ублюдку в камере?»

Потому что, честно говоря, я не могла выкинуть из головы его глаза. Золотисто-карие, жестокие, но в то же время... живые. Так живые, что рядом с ними все остальные казались бледными тенями.

— Рустам, ты молодец, — подмигнул Марат. — Нашел себе красавицу. А то мы уж думали, ты монахом станешь.

— Люда особенная, — ответил Рустам, обнимая меня за плечи. — Я сразу понял, что она — моя судьба.

Судьба... А что если судьба — это не подарок, а наказание? Что если некоторым людям суждено нести крест лжи всю жизнь?

Зоя подсела ко мне, когда мужчины ушли курить.

— Люд, ты какая-то... не знаю, странная сегодня. Грустная какая-то. Невесты обычно светятся от счастья.

— Просто устала, — соврала я.

— А помнишь, как мы в детстве играли в свадьбу? Ты всегда говорила, что у тебя будет самая красивая свадьба в мире. И вот она, мечта сбылась.

Мечта... Да, была такая мечта. У маленькой девочки, которая верила в сказки. А потом девочка выросла и узнала, что в реальной жизни принцы не всегда спасают принцесс. Иногда принцессам приходится спасать себя сами. И цена этого спасения — душа.

— Люда, ты в порядке? — Рустам обеспокоенно смотрел на меня. — Ты почти ничего не ешь.

— Волнуюсь просто, — соврала я и попыталась улыбнуться.

Ложь — это как наркотик. Сначала колешь от случая к случаю, потом не можешь без дозы прожить и дня. А в конце концов ложь становится тобой, а ты — ложью. И уже не понимаешь, где кончается одно и начинается другое.

— А я вот думаю, — сказала Амина Ибрагимовна, поднимая бокал с соком, — хорошо, что отец Рустама скоро придет. Он очень хотел быть на свадьбе, но дела, понимаете... Зато будет на никахе. Познакомится с нашей девочкой.

При упоминании об отце Рустама у меня внутри все сжалось. Интересно, какой он? Строгий? Добрый? Примет ли меня? И самое главное — похож ли он на сына?

— А он давно заграницей? — спросила Зоя.

— Десять лет уже, — ответила Амина Ибрагимовна, и в

голосе прозвучала едва уловимая грусть. — Работа такая. Но он всегда присылает деньги, заботится о нас. Хороший отец, хороший муж.

Десять лет... Значит, уехал, когда Рустаму было четырнадцать. Интересно, скучает ли Рустам по отцу? Мы никогда об этом не говорили. Рустам вообще редко упоминал отца.

Пашка подошел ко мне, когда все разошлись курить.

— Сестренка, ты же счастлива, да?

Я посмотрела на него — на этого долговязого дурака, из-за которого все началось. На его молодое лицо с первым пушком на щеках, на глаза, в которых еще теплилась детская наивность. И поняла: он никогда не узнает цену моего счастья. Никогда.

— Конечно, Паш. Я очень счастлива.

— Знаешь, Мил, я все думаю... Если бы мама была жива, она бы так радовалась. Помнишь, как она говорила: «Людочка моя такая умная, красивая. Обязательно выйдет замуж за хорошего человека»?

Мама... Господи, как же больно думать о ней сейчас. Мама, которая всю жизнь работала, чтобы мы ни в чем не нуждались. Которая до последнего дня верила в то, что мы с Пашкой вырастем хорошими людьми.

— А помнишь, как мы с тобой мечтали, когда мама болела? Ты говорила, что выйдешь замуж за принца и будешь жить в замке.

Принц... Да, был такой. Звали его Рустам, и он дрался за

меня, как рыцарь. А теперь он женился на шлюхе, которая отдалась зэку за освобождение брата. Сказки иногда превращаются в кошмары. Особенно когда вырастаешь.

— И знаешь что, сестренка, — Пашка наклонился ко мне и тихо добавил, — я обещаю, что больше никогда не доставлю тебе проблем. Никогда. Я понял, что чуть не разрушил твою жизнь своей дурью.

Если бы ты знал, Пашка. Если бы знал, что ты не чуть не разрушил — ты разрушил. Окончательно и бесповоротно. Но я никогда тебе этого не скажу. Потому что некоторые грехи должны нести в одиночестве.

— Мама была бы счастлива, — добавил Пашка.

Мама... Господи, хорошо, что она не видит этого. Хорошо, что она не знает, чего стоило мне спасти ее сына. Некоторые жертвы должны оставаться тайной. Навсегда.

— Пашка, — позвала я его, когда он уже собирался отойти.

— Да?

— Я тебя люблю. Ты знаешь это, да?

— Конечно знаю, Мил. И я тебя тоже. Ты у меня самая лучшая сестра в мире.

Лучшая... Интересно, что он сказал бы, если бы узнал правду? Что его лучшая сестра провела ночь с зэком? Что она стонала под ним и чувствовала то, чего никогда не чувствовала с любимым человеком?

Вечером мы вернулись домой. Наш новый дом — квар-

тира, которую снял Рустам. Две комнаты, кухня, все чистое, уютное. Семейное гнездышко для начала новой жизни. На стенах висели наши фотографии — со школы, с института, с прогулок. Счастливые лица молодых людей, которые верили в будущее.

— Теперь мы официально семья, — сказал Рустам, обнимая меня на пороге. — Ты моя жена.

Жена... Интересно, есть ли в языке слово для женщины, которая вышла замуж обманом? Которая стоит в белом платье и думает о других мужских руках?

— Я так долго этого ждал, Люда. Так долго мечтал о том дне, когда ты станешь моей навсегда.

Навсегда — это очень долго для лжи. Особенно когда каждый день приходится смотреть в честные глаза человека, который тебя любит, и знать, что ты недостойна даже его презрения.

— Хочешь чаю? — спросил он, направляясь на кухню. — Или может, бокал вина? В честь нашей свадьбы?

— Лучше чай, — ответила я.

Алкоголь мне сейчас противопоказан. От него всплывают воспоминания, которые лучше держать под замком. Воспоминания о вкусе виски и мужских руках на моем теле.

Мы сидели на кухне, пили чай с тортом, который купила Амина Ибрагимовна. Обычная семейная идиллия. Молодожены в первый день совместной жизни. Рустам рассказывал о планах на будущее — хотел найти лучшую работу, снять

квартиру побольше, может быть, через пару лет подумать о детях.

Дети... А что если у нас будут дети? Смогу ли я смотреть на них и не думать о том, какая я мать? Смогу ли воспитывать их в честности, когда сама построена из лжи?

— Люда, ты опять задумалась, — заметил Рустам. — О чем?

— О нас. О будущем.

— И какие мысли?

«Думаю о том, что я тебя обманываю. Думаю о том, что через несколько дней твой отец приедет на никах, а я понятия не имею, что он за человек. Думаю о том, что три дня назад я была под другим мужчиной и чувствовала то, чего никогда не чувствовала с тобой».

— Хорошие мысли, — соврала я. — Я просто счастлива.

Рустам начал расстегивать молнию на моем платье, и я почувствовала, как тело каменеет. Руки, губы, дыхание — все не то. Все не так, как тогда. И я ненавидела себя за то, что сравниваю. За то, что в глубине души ищу в его прикосновениях ту звериную страсть, которая была в камере.

— Ты дрожишь, — заметил он. — Боишься?

Да, боюсь. Боюсь, что ты поймешь. Боюсь, что не поймешь. Боюсь, что буду думать о нем, когда ты будешь во мне. Боюсь, что не буду.

— Немного, — прошептала я.

— Мы не торопимся. У нас вся жизнь впереди.

Вся жизнь... А что если эта жизнь — наказание? Что если счастье — это не награда за страдания, а иллюзия, которой мы сами себя обманываем?

Он целовал меня медленно, нежно, как хрупкую вещь, которая может разбиться от неосторожного движения. А я лежала и думала: «Я уже разбита. Вдребезги. Ты целуешь осколки».

Его руки гладили мою кожу с такой осторожностью, с такой любовью, что мне хотелось заплакать. Рустам боготворил меня. Он думал, что прикасается к чему-то священному. А на самом деле ласкал тело, которое три дня назад принадлежало другому.

— Ты такая красивая, — шептал он, покрывая поцелуями мою шею. — Моя жена... Моя единственная...

Единственная... Если бы ты знал, что ты не первый. Что другой мужчина уже брал меня, входил в меня, заставлял стонать от боли и... от чего-то еще. От чего-то, чего я не хочу признавать даже себе.

Когда он вошел в меня, было больно. Не физически — морально. Потому что это должно было быть прекрасно, а оказалось... пустым. Как эхо в заброшенном доме. Как память о том, чего никогда не было.

Рустам двигался осторожно, шептал, что любит меня, и я закрыла глаза, чтобы не видеть его лица. Не видеть того обожания, которого не заслуживаю.

А в голове навязчиво крутились слова того ублюдка: «Я

тебя купил. Дорого». И самое страшное, что часть меня согласилась с ним. Часть меня признала: да, я продалась. Но не за деньги — за иллюзию, что могу спасти того, кого люблю.

Иногда любовь — это не свет в конце туннеля. Иногда это сам туннель, темный и бесконечный.

После Рустам лежал рядом и гладил мои волосы.

— Ты плачешь? — спросил он, заметив слезы на моих щеках.

— От счастья, — соврала я в очередной раз.

А плакала я оттого, что поняла: невинность — это не девственная плева. Это способность верить в чистоту мира. И эту способность у меня отняли навсегда.

— Люда, а почему крови не было?

Сердце подпрыгнуло к горлу, а по спине пробежал ледяной ручеек. Вот оно. Вопрос, которого я боялась больше всего.

— Не знаю, — пожала плечами, стараясь, чтобы голос звучал естественно. — Наверное, у меня просто... не у всех же есть.

— Да, я читал об этом. У некоторых девушек плева растягивается, а не рвется. Или вообще от рождения эластичная.

Он кивнул, поверив. Рустам всегда мне верил. Даже когда не стоило.

— Да, я читал об этом. Главное, что ты была только моя.

Только твоя... Если бы ты знал, милый. Если бы знал, что твоя жена провела ночь в объятиях зэка. Что она стонала

под другим мужчиной и чувствовала то, чего никогда не чувствовала с тобой.

— Конечно, только твоя, — прошептала я и поцеловала его в щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.